

На правах рукописи

ТУРАНСКАЯ Анна Александровна

**СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОНГОЛЬСКОЙ
ВЕРСИИ ТИБЕТСКОГО АГИОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА XV ВЕКА
«СТО ТЫСЯЧ ПЕСНОПЕНИЙ» МИЛАРЭПЫ**

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература азиатского и африканского регионов)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре китайской филологии Восточного факультета ФГБОУ ВО Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: **Сторожук Александр Георгиевич**

доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Цендина Анна Дамдиновна**

доктор филологических наук, профессор

кафедры истории и филологии Южной и Центральной Азии Института восточных культур и античности ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Музраева Деляш Николевна

кандидат филологических наук, доцент,

старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии ФГБУН «Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук»

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук»

Защита диссертации состоится _____ 2016 г. в _____ часов на заседании совета Д 501.002.22 по филологическим наукам на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр.1, Институт стран Азии и Африки.

С диссертацией можно ознакомиться в Отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119192, Москва, Ломоносовский просп., 27 Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, каб. 812, а также на сайте: http://istina.msu.ru/dissertation_councils/councils/10921389/.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

М.Р. Урб

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Согласно теории полисистем, разработанной И. Эвен-Зохаром в 1970-е годы и рассматривающей систему литературы как открытую, гетерогенную и динамическую структуру, существующую в постоянном взаимодействии с другими (в том числе и литературными) системами, корпус переводных текстов, имеющий особую организацию и подчиняющийся собственным закономерностям, может занимать центральное или периферийное положение в принимающей литературе в различные исторические периоды.

В системе монгольской литературы второй половины XVI – первой половины XVII вв., находившейся в процессе становления и интеграции в индийско-юго-восточноазиатскую зональную культурную общность, переводные сочинения заняли центральное положение в иерархической системе жанров, сформировав как новые принципы построения целых произведений, так и отдельные их элементы (правила композиции, литературный этикет и т.д.).

Наряду с буддийскими каноническими текстами, обладавшими высоким внелитературным авторитетом, на монгольский язык переводились и агиографические сочинения, транслировавшие культ буддийских святых и призванные способствовать широкому распространению буддизма в Монголии.

Одними из первых агиографических сочинений, участвовавших в формировании монгольского житийного канона, были жизнеописание и «Гурбум» (букв. «Сто тысяч песнопений») тибетского поэта-отшельника Миларэпы (тиб. *Mi la ras pa*, 1040-1123), который, согласно традиции, достиг состояния будды в течение одной жизни с помощью практик Ваджраяны.

Эти сочинения, посвященные одному из самых популярных и почитаемых тибетских святых, были составлены известным автором агиографических текстов Цаннён Херукой (тиб. *gTsang smyon he ru ka*, 1452-1507) в 1488 г., более чем через три с половиной столетия после смерти Миларэпы. В житии описываются события всей жизни святого – от рождения до ухода в нирвану. Объемный прозапоэтический сборник историй, известный под кратким названием «Гурбум», в пространной форме излагает лишь часть жизнеописания Миларэпы, связанную с его проповедью буддийского учения, общением с учениками, участием в религиозных диспутах и состязаниях и демонстрацией различных сверхъестественных способностей.

Переведенный на монгольский язык в первой четверти XVII в. «Гурбум» оказал существенное влияние на формирование в Монголии культа Миларэпы, а также на развитие монгольской средневековой литературы, в первую очередь агиографии и поэзии. Наряду с другими агиографическими текстами, переведенными в это время, он являлся исходной моделью, следуя которой монгольские авторы впоследствии создавали оригинальные монгольские сочинения.

Актуальность данного диссертационного исследования определяется несомненной значимостью переводных буддийских сочинений (в частности агиографических) для становления монгольской средневековой литературы и формирования у монголов буддийского мировоззрения.

Упоминания «Гурбума» Миларэпы, которого называли «Сократом Азии» и «буддийским Фаустом», впоследствии ставшим «буддийским Франциском Ассизским», включены во все значительные труды по средневековой литературе Монголии. Между тем, в мировом монголоведении до сих пор не было предпринято литературоведческого исследования этого письменного памятника. Исходя из этого, актуальными являются описание источниковой базы памятника, исследование его литературной природы и положения в системе национальной монгольской литературы, анализ жанровой специфики и типологии сборника, исследование его композиционно-структурной организации и содержания, а также бытования в монгольской среде.

Степень научной разработанности темы исследования

В современном словоупотреблении термин «агиография» имеет два значения: совокупность текстов, описывающих жизнь и деяния святых, и научная дисциплина, изучающая эти тексты, а также богословские и историко-церковные аспекты святости.

Зарождение агиографии как науки принято связывать с деятельностью иезуитского общества болландистов, которое с середины XVII по середину XX вв. осуществило масштабный проект по изданию житийной литературы на греческом и латинском языках. Болландисты положили начало критическому методу работы с агиографическими источниками и систематической их классификации. Впервые изучением не только текстов, но также смыслов агиографических легенд и истории их развития, занялся немецкий философ Г. Узенер (1834-1905), который, взяв за основу античную мифологию, попытался применить к агиографии метод сравнительного анализа религий. Его концепция была опровергнута болландистом И. Делеэ (1859-1941), который сформулировал новый подход, тем самым положив начало «критической агиографии». И. Делеэ в качестве главного принципа изучения агиографических текстов ввел критерий достоверности сообщаемых в источнике сведений, сделав предметом изучения генезис культа святого и его

исторические модификации, а агиографию особым направлением исторических исследований.

Агиографические сочинения изучаются с историко-богословской, исторической, социокультурной и литературной точек зрения. Историко-богословский подход ориентирован на реконструкцию и анализ религиозных воззрений эпохи создания сочинения, представлений о святости и т.д. В социально-культурном аспекте агиография дает возможность изучать динамику развития культа того или иного святого, социальные параметры религиозной жизни и религиозно-культурные представления общества. Историки рассматривают агиографические тексты как источники информации по истории эпохи или истории церкви. Менее всего жития изучены как памятники литературные.

Регламентированность структуры агиографических сочинений позволила уже первым исследователям житийных сочинений ограничиться замечаниями о «формульности», «трафаретности» и «повторяемости» их литературной составляющей. Лишь в последние десятилетия, благодаря «реабилитации» понятия литературного канона для так называемых традиционалистских литератур в трудах Д.С. Лихачева, Б.Л. Рифтина и других исследователей, появились работы Б.И. Бермана, Л.А. Дмитриева, М.Е. Ермакова, О.В. Панченко, Т.Р. Руди и других литературоведов, анализирующие жанровую специфику, композиционную структуру, поэтику и топику агиографической литературы.

В отличие от житийных традиций других регионов тибетская и монгольская агиография до сих пор не была объектом целостного изучения. Ее исследование ограничивается введением в научный оборот, публикацией и переводом источников, а также текстологическим и источниковедческим интересом к отдельным памятникам. Автору данной работы не известны какие-либо специальные исследования, посвященные литературной специфике тибетской или монгольской агиографии.

Пристальное внимание исследователей фигура Миларэпы и посвященные ему сочинения привлекли только во второй половине XIX в. Первым упоминанием о «Гурбуме», а точнее о некоторых историях из сборника, является статья моравского миссионера Х.А. Ешке, опубликованная в 1869 г.

В последней четверти XIX - первой половине XX вв. появилась серия статей и работ, представляющих собой переводы отдельных фрагментов наиболее занимательных глав «Гурбума» и частей жизнеописания Миларэпы или пересказ содержания этих текстов. В них, призванных, по большей части, познакомить европейского читателя с личностью тибетского святого и посвященными ему сочинениями, большинство исследователей отмечали изящность и оригинальность языка этих текстов.

Высокая оценка сочинений, посвященных Миларэпе, привела к тому, что они были переведены на европейские языки. В 1928 г. был впервые издан перевод жизнеописания тибетского йогина на английский язык, выполненный У. Эванс-Венцем, а в 1961 г. – «Гурбум» в переводе Г. Чанга.

С 50-х годов XX в. появляются научные исследования этих литературных памятников. В предисловии к факсимильному изданию 1969 г. жизнеописания Цаннён Херуки исследователь тибетской литературы Дж. Смит указал на то, что жизнеописание и «Гурбум» Миларэпы являются результатом письменной житийной традиции, насчитывающей более трех с половиной столетий, и доказал, что именно Цаннён Херука является составителем этих текстов.

Тибетский «Гурбум» стал объектом исследования нескольких диссертационных работ. Так, диссертация Ч. Ван Туйла 1972 г. была полностью посвящена литературоведческому анализу 28-й главы «Гурбума», В. Урубшуров – исследованию литературных тропов и символов тибетского буддизма на примере жизнеописания и «Гурбума» Миларэпы. Э. Куинтман в своей работе проводит текстологический анализ текстов, которые легли в основу сочинений, составленных Цаннён Херукой.

Отношение монголоведов к большинству переводов с тибетского как к литературе сугубо вторичной и не заслуживающей пристального внимания привело к тому, что монгольские тексты жизнеописания и «Гурбума» Миларэпы, долгое время находились вне интереса исследователей. Одно из первых замечаний об этих сочинениях содержится в статье Б.Я. Владимирцова 1919 г. «Буддизм в Тибете и Монголии». В 1922 г. был издан его перевод с монгольского языка двух песнопений из «Гурбума», а позднее переводы монгольских колофонов этих текстов.

В 1959 г. фрагменты монгольских текстов жизнеописания и «Гурбума» были изданы с комментариями Ц. Дамдинсурэна, а почти десятилетие спустя, в 1967 г., вышло факсимильное издание жизнеописания Миларэпы с переводом на английский и комментариями Дж. Боссона, а также перевод этого текста Л. Лёринца на венгерский язык. Значительная часть упоминаний о «Гурбуме» в монголоведческой литературе связана с работами, посвященными Ширегету Гуши Цорджи и его переводческой деятельности.

Начиная с 90-х годов XX в. интерес к переводным сочинениям, в частности, жизнеописанию и «Гурбуму» Миларэпы, существенно возрос в первую очередь в самой Монголии. По большей части эти сочинения изучаются в рамках исследования переводческих техник и приемов. «Гурбум» был также издан в переложении на современный монгольский язык.

Оценивая степень изученности темы, следует отметить, что, несмотря на популярность литературного памятника, проблема, поставленная в диссертационном исследовании, предметом комплексного изучения не становилась. Это обусловило выбор темы и постановку исследовательской цели.

Целью диссертационного исследования является комплексное исследование структуры и типологии монгольской версии прозапоэтического сборника «Гурбум».

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- показать исторические условия формирования тибето-монгольской агиографии и дать систематическое описание ее типологических особенностей;
- описать генезис оригинального тибетского сочинения и его монгольской версии;
- описать источниковую базу монгольской версии «Гурбума», ввести в научный оборот ранее не исследовавшиеся списки памятника, а также монгольязычные сочинения, содержащие отдельные рассказы (повествования) из «Гурбума» Миларэпы;
- описать базовую структурную организацию литературного памятника;
- определить типологические характеристики памятника и его место в ряду других сочинений тибетской агиографии;
- определить скопос (функцию) монгольского перевода «Гурбума»;
- исследовать национально-культурную специфику монгольской версии «Гурбума»;
- определить место литературного памятника в системе национальной монгольской литературы.

Объектом исследования является монгольская версия прозапоэтического сборника «Сто тысяч песнопений, пространно разъясняющих жизнеописание досточтимого Миларэпы» (монг. *Getülgegcī mīlarasba-yin tu᠋ᠴᠢᠵᠢ delgerenggūi ilγaysan ‘bum daγudal kemegdekü orosiba*).

Предметом исследования являются базовая структура и типологические характеристики монгольской версии прозапоэтического сборника «Сто тысяч песнопений», а также его национально-культурная специфика.

Источниковая база исследования

Диссертационное исследование базируется на комплексе литературных источников, которые образуют группу агиографических текстов, связанных с личностью и культом Миларэпы, одного из самых известных и почитаемых тибетских святых.

Основным источником данной работы стал экземпляр ксилографического издания монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы, осуществленного в середине XVIII в. в Пекине, который хранится в рукописном фонде Восточного отдела Научной библиотеки

СПбГУ под шифром Е-55, объемом 282 листа. В работе также были использованы все доступные автору списки с ксилографического издания: бурятская рукопись из Монгольской государственной центральной библиотеки объемом 376 листов, рукопись под названием «Шастра святого Милы» (монг. *Mila boyda-yin šastir*) из библиотеки Академии общественных наук Внутренней Монголии объемом 445 листов и рукопись из частной коллекции объемом 547 листов.

Другим источником для настоящего исследования стала уникальная рукопись избранных глав из монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы объемом 160 листов, хранящаяся в библиотеке дома-музея академика Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе, которая, по всей вероятности, восходит к монгольскому переводу Ширегету Гуши Цорджи, не подвергавшемуся редактуре в ходе ксилографического издания памятника.

Помимо этого, в работе были использованы неизвестные ранее в отечественном востоковедении монгольязычные тексты, содержащие отдельные рассказы (повествования) из «Гурбума», в частности, бурятское ксилографическое издание текста «Сборник историй из [собраний] песнопений досточтимого святого Миларэпы» (монг. *Getülgegeci milarasba boyda-yin mgur-ud-aca kedüi jüil tegüjü bicigsen orosibai ::*) из фонда Института восточных рукописей РАН.

В работе также использовались тибетские источники – современное издание дергеской редакции жизнеописания и «Гурбума» Миларэпы, электронная копия ксилографического издания текста под названием «Некоторые отдельные устные традиции, включающие шесть ваджрных гуров досточтимого Миларэпы» (тиб. *rJe btsun mi la ras pa'i rdo rje mgur drug sogs gsung rgyun thor bu 'ga'*), жизнеописания Цаннён Херуки, составленные его учениками Лхацун Ринчен Намгьелом (тиб. *lHa btsun rin chen rnam rgyal, 1473-1557*) и Гоцанг Рэпой (тиб. *rGod tshang ras pa, 1482-1559*).

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическими основаниями данного диссертационного исследования являются принцип историзма и комплексный подход. Принцип историзма позволяет изучать литературные и культурные явления в контексте соответствующей исторической эпохи. Используемый в данной диссертационной работе комплексный подход подразумевает применение системы разнообразных методов, позволяющих наилучшим образом выявить характерные особенности рассматриваемого литературного памятника.

Важное место в исследовании занимает сравнительно-исторический метод, который позволяет изучать литературные связи и взаимодействия между литературно-художественными явлениями разных регионов и выявить специфику изучаемого явления.

Значимым методологическим основанием диссертационного исследования стало сочетание культурно-исторического подхода, ориентированного на изучение связи литературы с действительностью и обществом и развития литературы как исторического процесса под воздействием различных условий и обстоятельств, и историко-функционального подхода, используемого для описания литературных текстов как исторически развивающихся систем во всей совокупности присущих им связей.

В процессе написания работы также применялись типологический метод, связанный с представлением о типе литературы как структурно сформированной целостности, и историко-генетический, позволяющий выявить закономерности бытования того или иного литературного жанра.

Структурный метод, рассматривающий литературный текст как целостную знаковую структуру, позволил выделить элементы структуры литературного памятника, установить их взаимодействие и описать базовую модель произведения.

В качестве метода исследования также использовался коммуникативно-функциональный подход, согласно которому переводной текст может рассматриваться как вид деятельности, который имеет свою функцию, предполагаемую аудиторию и условия осуществления.

Теоретической основой данной работы являются фундаментальные труды таких исследователей как М.М. Бахтин, Н.И. Конрад, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Б.Л. Рифтин, А.П. Скафтымов, Б.В. Томашевский, В.Н. Комиссаров, И. Эвен-Зохар, К. Райс и Х. Фермеер.

Научная новизна

Настоящая диссертация является первым в монголоведении опытом системного исследования монгольской версии объемного прозапоэтического сборника «Сто тысяч песнопений, пространно разъясняющие жизнеописание досточтимого Миларэпы», известного также под кратким названием «Гурбум». В ней впервые дана комплексная характеристика типологических особенностей тибето-монгольской агиографической традиции; описан генезис тибетского оригинального текста «Гурбума» и его монгольского перевода; введены в научный оборот и описаны неизвестные ранее в отечественном монголоведении списки памятника, а также монгольязычные тексты, связанные с жизнеописанием и «Гурбумом» Миларэпы; выявлены и проанализированы особенности монгольской версии «Гурбума» с позиций жанровой специфики и типологии; осуществлен литературоведческий анализ базовой структуры монгольского сборника, в частности, определена жанровая принадлежность произведения и его положение в системе жанров монгольской средневековой литературы, исследована его архитектура,

рассмотрены пространственно-временная организация и система персонажей текста, проанализированы композиционно-структурное строение и содержание; выявлены и описаны национально-культурные особенности монгольской версии «Гурбума».

Теоретическая значимость работы

Данное исследование представляет ценность для развития теории средневековой монгольской литературы, в первую очередь монгольской агиографии и поэзии. Предложенная аналитическая модель может быть применена при исследовании как переводных, так и оригинальных монголоязычных текстов. Полученные результаты могут быть востребованы для дальнейшего изучения средневековой монгольской литературы.

Практическая значимость

Положения и выводы, сформулированные в диссертации, представляют ценность для практики литературоведческих, исторических и культурологических исследований. В диссертации были рассмотрены и введены в научный оборот не исследовавшиеся ранее в востоковедении монголоязычные агиографические сочинения. Полученные в рамках исследования теоретические результаты могут быть использованы для подготовки курсов по истории средневековой литературы и культуры Монголии.

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

- Центральное положение в становлении буддийской литературной традиции в Монголии второй половины XVI – первой половины XVII вв. занимали переводные с тибетского тексты, выполнявшие роль исходных моделей, на основе которых в дальнейшем развивалась принимающая монгольская литература. В этот период переводные сочинения играли активную роль в формировании центрального сегмента в иерархической системе жанров монгольской литературы, новых правил композиции и литературного этикета.
- В конце XVI – начале XVII вв. началось интенсивное проникновение в монгольскую культуру индо-тибетского буддийского агиографического субстрата. В этот период на монгольский язык был переведен ряд тибетских житийных текстов, ставших органической частью национальной монгольской литературы и заложивших основы для формирования в Монголии агиографического канона и культа буддийских святых.
- Одним из такого рода произведений стала монгольская версия тибетского прозапоэтического сборника «Гурбум», составленного в 1488 г. и описывающего деяния одного из самых почитаемых тибетских святых Миларэпы. Осуществленный в 1615 г. перевод этого сочинения на монгольский язык был призван положить начало рецепции культа Миларэпы в Монголии. Он также, наряду с другими переводами и иными видами

покровительства буддизму, служил усилению престижа потомков Алтан-хана, позиционировавших себя в качестве буддийских правителей.

- Для успешной популяризации идеи буддийского освобождения и образа Миларэпы среди монголов переводчику Ширегету Гуши Цорджи необходимо было точно передать модель описания деяний святого, обретшего состояние будды в течение одной жизни в результате буддийских практик, и, в то же время, адаптировать агиографический текст к воспринимающей культуре, в которой он иницировался, сделать образ святого близким и понятным монгольскому реципиенту, не знакомому с реалиями тибетского буддизма.

- Первая задача была достигнута за счет сохранения в монгольской версии базовой структуры тибетского оригинала, передающей архетип культурного героя, который расширяет сакральное пространство с помощью проповеди буддийской доктрины и демонстрации сверхъестественных способностей. Решение второй задачи было осуществлено с помощью прагматической адаптации текста перевода к фоновым знаниям монгольского реципиента, выразившейся в ряде переводческих трансформаций, таких как купюры или упрощение сложных фрагментов текста, привлечение для передачи этнографических лакун монгольских «аналогов», использование монгольской системы гонорифической лексики, приспособление текста к привычной для монголов традиционной поэтической форме и т.д.

- В результате подобного рода трансформаций была создана монгольская версия «Гурбума» Миларэпы, в которой растворялась близкая тибетскому читателю конкретика текста. Из трех информационных пластов, которые можно выделить в тибетских житиях, историческая составляющая уходила на второй план, а на первый выдвигались эмоциональная и дидактическая стороны памятника. Монгольская версия «Гурбума» оказала существенное влияние на формирование в монгольской литературе канона буддийской агиографии и на появление оригинальных монгольских сочинений житийного жанра.

Апробация результатов

Отдельные положения и результаты исследования были представлены на различных конференциях: 26-й Международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Модернизация и традиции» (Санкт-Петербург, 2011), Пярых Доржиевских чтениях «Буддизм и современный мир» (Санкт-Петербург, 2012), 27-й Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива» (Санкт-Петербург, 2013), Международной конференции «Б.Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века» (Санкт-Петербург, 2014), Международной

конференции «З.К. Касьяненко – Учитель и монголовед (посвящается 90-летию)» (Санкт-Петербург, 2015), научной сессии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, 2015).

По теме диссертации опубликовано 9 работ, из них 5 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационной работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и трех приложений. Общий объем диссертации 258 с.

II. СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, научная новизна, характеризуется степень ее изученности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертации, излагаются методологические основы работы. Также во введении дан краткий обзор источников, на которых базируется данное исследование.

Первая глава **«Монгольская версия «Гурбума» Миларэпы в контексте тибето-монгольской агиографии: генезис, типология и источники»** посвящена анализу типологии средневековой агиографической литературы и описанию тибетских и монгольских источников «Гурбума» Миларэпы.

Изучение мирового литературного процесса неизбежно ставит вопрос об исторических системах или типах литературы, одной из которых является литература средневековая. Речь идет о типе литературы, не ограниченном хронологическими рамками Средневековья. Возможно, вслед за С.С. Аверинцевым было бы более правильным говорить о традиционалистском или нормативном этапе в истории культуры в целом и литературы в частности. Термин «средневековая литература» сохранен в работе как наиболее употребительный.

Несмотря на то, что однородные этапы истории литературы у разных народов протекали далеко не одновременно, в средневековых литературах Запада и Востока можно выделить некоторые типологически сходные черты, которые представляются принципиально важными для данного исследования. К ним можно отнести широкое толкование понятия «литература» как письменного слова вообще с обязательным включением в нее функциональных жанров (т.е. имеющих особые внелитературные функции), строгую иерархию жанров, традиционность мышления и невыделенность автора из общей письменной традиции, наличие жанрового канона и своеобразного «литературного этикета», определявших содержание, тематику и принцип построения

произведений, а также тесную связь с одной из мировых религий. Характерной особенностью литературы средневекового типа, принципиальной для настоящего исследования, являлось отсутствие оппозиции и четких границ между оригинальной и переводной литературой.

Одним из специфических явлений средневековой словесности, демонстрирующих удивительную устойчивость и однородность в литературах Востока и Запада, является агиография (совокупность жизнеописаний святых, составленных в рамках той или иной религиозной традиции). Большинство научных трудов определяет агиографию как жанр средневековой литературы. Однако жанр есть категория историческая, представление о которой меняется от эпохи к эпохе. Учитывая многоликость агиографического материала внутри национальных литератур, сами авторы работ по агиографии указывают на относительность такого определения и вынуждены использовать для обозначения групп агиографических текстов, различающихся по стилю и композиции, такие определения как «поджанр» или «жанровая разновидность». В данной работе мы будем определять агиографию как совокупность жанров, объединенных одним тематическим признаком. Это обусловлено наличием сложной иерархии житийных сочинений, а также многообразием жанровых маркировок в исследуемых литературах Тибета и Монголии.

При всем разнообразии житийного материала в агиографии локальных литератур можно выделить типологически сходные черты. Внелитературная функция агиографических жанров заключается в создании информационного кода для трансляции культа святого, т.е. «агиографического субстрата», который складывался на основе религиозной и местной фольклорной традиций и оказывал существенное влияние на литературную сторону агиографии, формируя особый инвариантный канон содержания и формы житийных произведений.

Распространение среди тибетцев и монголов буддизма Махаяны привело к формированию в литературах этих народов буддийской агиографии. Значительная часть сочинений и переводов литературы этого рода свободно перемещалась из одной части этого буддийского ареала в другую, образовав агиографическую общность, не вмещавшуюся в этнические и государственные границы.

Одним из наиболее распространенных агиографических жанров в Тибете были намтары (тиб. *nam thar*, санскр. *vimokṣa*, букв. «полное освобождение [от сансарического бытия]»), сочинения, описывающие жизнь святых, достигших состояния будды. Архетипом для формирования тибетского агиографического субстрата и модели построения жизнеописаний послужили, в первую очередь, жизнеописания Шакьямуни и аналогичные им индийские сочинения. Сложившаяся на их основе базовая структура

тибетских намтаров, воплощавшая образец буддийского освобождения, «надстраивалась» деталями жизни того или иного святого, источниками которых служили местные устная и письменная традиции.

Особым жанровым подвидом намтаров стали «гурбумы» (тиб. *mgur 'bum*, букв. «собрание песнопений», «собрание гуров»), прозапоэтические сборники историй из жизни тибетских святых, содержавшие особые религиозные песнопения «гуры» (тиб. *mgur, mgur ma, mgur glu*) вместе с описаниями обстоятельств их исполнения.

Одним из популярнейших сочинений, принадлежавших к этому жанровому подвиду, был «Гурбум» Миларэпы, составленный известным учителем традиции Другпа Кагью (тиб. 'Brug pa bka' bgyud) Цаннён Херукой вместе с жизнеописанием этого святого в 1488 году.

Оба эти сочинения явились результатом длительного развития агиографической традиции Миларэпы в Тибете. Ранние сочинения, авторство которых приписывается непосредственным ученикам Миларэпы, представляли собой краткие повествования о некоторых деяниях и песнопениях этого тибетского йогина. Развитие религиозных институтов в конце XII – начале XIII вв. привело к росту числа текстов, связанных с его биографической традицией. Намеченный в ранних сочинениях скелет житийного образа святого стал обрастать плотью новых литературных сюжетов и «биографических» подробностей в жизнеописаниях XIII–XV вв. Их структура следовала образцу, установленному ранними сочинениями – краткая житийная линия обрамляла ряд эпизодов из жизни Миларэпы, включавших целые песнопения, их фрагменты или же только названия.

Окончательно оформив наметившееся в более ранних текстах разделение жизнеописания Миларэпы на собственно намтар и «Гурбум», Цаннён Херука составил эти сочинения, опираясь на всю предшествующую ему письменную и устную житийную традицию и задействовав в своей работе все известные ему тексты. Жизнеописание под названием «Намтар великого могущественного повелителя йогинов досточтимого Миларэпы “Учение об освобождении и всеведении”» (тиб. *rNal 'byor gyi dbang phyug chen po rje btsun mi la ras pa'i nam thar thar pa dang thams cad mkhyen pa'i lam ston*) последовательно описывает события жизни Миларэпы – от момента рождения до ухода в нирвану. Сборник «Сто тысяч песнопений, дополняющие намтар досточтимого Миларэпы» (тиб. *rJe btsun mi la ras pa'i nam thar rgyas par phyed ba mgur 'bum zhugs so*), или «Гурбум», представляет собой своего рода дополнение или комментарий к восьмому разделу намтара, в котором в матричной форме перечислены буддийские практики Миларэпы, названия мест, в которых он медитировал, и имена его учеников.

Получив широкое распространение в Тибете, составленные Цаннён Херукой, намтар и «Гурбум» Миларэпы затмили собой предшествующие сочинения и стали рассматриваться в качестве эталонных жизнеописаний святого.

Широкое распространение в Монголии буддизма в его тибетской форме во второй половине XVI – первой половине XVII вв. привело к рецепции монголами индо-тибетского агиографического субстрата и формированию на его основе этнической агиографии. Важную роль в этом процессе играли переводные с тибетского сочинения, с помощью которых в принимающую литературу переносились как новые принципы построения целых произведений, так и отдельные их элементы.

Одним из агиографических сочинений, переведенных на монгольский язык в этот период, был «Гурбум» Миларэпы. Его перевод осуществил известный переводчик буддийских сочинений второй половины XVI – начала XVII вв. Ширегету Гуши Цорджи (монг. *Širegetü gūsi corji*, к. XVI – н. XVII вв.). До середины XVIII в. монгольский текст «Гурбума» имел ограниченное хождение среди монголов в виде рукописей. Во второй половине XVIII в. сборник был издан ксилографическим способом в Пекине по указанию второго джанджа-хутухты Ролби Дордже (тиб. *Rol pa'i rdo rje*, 1717-1786), считавшегося перерожденцем Цаннён Херуки. Согласно небольшому колофону, расположенному на лл. 135a-135b ксилографа, к моменту издания текст «Гурбума» в переводе Гуши Цорджи не сохранился полностью. Утраченные пять глав были заново переведены учеником и личным писцом Ролби Дордже дай-гуши Нгаванг Тэнпэлом в 1756 г.

Пекинское ксилографическое издание получило широкое распространение в Монголии и Бурятии, с него делались многочисленные рукописные копии, как всего текста, так и отдельных глав. Ряд списков такого рода хранится в мировых рукописных собраниях.

Уникальная рукопись избранных глав из монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы хранится в библиотеке дома-музея академика Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе. В рукопись включены 17 из 63 глав монгольского перевода «Гурбума». Наибольший интерес для исследования представляют восьмая, десятая и вторая часть 17-й главы рукописи, соответствующие 27-ой, 26-ой и части 29-й главы ксилографического издания сборника, которые вместе с 25-й и 28-ой считались утраченными уже в XVIII в. и были заново переведены Нгаванг Тэнпэлом (тиб. *Ngag dbang bstan 'phel*, 1690/1700-1780). Текст этих глав в рукописи существенно отличается от текста пекинского издания монгольского перевода «Гурбума». Проанализировав манеру перевода, можно предположить, что текст восходит к переводу Ширегету Гуши Цорджи, не подвергавшемуся редактуре в ходе подготовки ксилографического издания памятника в середине XVIII в. Главы восьмая,

десятая, а также вторая часть 17-й главы рукописи, по всей вероятности, являются переводом, считавшимся к середине XVIII в. утерянным.

Вторая глава **«Базовая структура монгольской версии «Гурбума» Миларэпы: литературоведческий анализ»** посвящена анализу элементов базовой структуры монгольской версии сборника. Под литературоведческим анализом в данной работе понимается, прежде всего, определение жанровой специфики сочинения и его положения в системе жанров монгольской литературы, характеристика архитектоники сборника, анализ пространственно-временной организации текста, рассмотрение системы персонажей, анализ сюжетно-композиционного строения и рассмотрение идейно-эстетического содержания произведения.

В средневековых литературах Тибета и Монголии функциональный жанр был категорией осознанно ведущей, что проявлялось во включении жанровой маркировки в название произведения. Классификация жанров была подвижной и совмещала функциональный и формальный принципы деления, что не позволяет установить четкие границы между жанрами и существенно затрудняет определение жанровой принадлежности сочинений.

Цаннён Херука, по всей вероятности, был первым, кто выделил песнопения и описания обстоятельств их исполнения из жизнеописания-намтара в отдельное сочинение, маркировав его как «гурбум», букв. «сто тысяч песнопений» или «собрание песнопений». Именно это сочинение положило начало особому, хотя и малопродуктивному жанровому подвиду жизнеописаний-намтаров, в основном, ограниченному литературной традицией школы Кагью.

Получивший распространение в Монголии перевод «Гурбума» способствовал росту популярности Миларэпы среди местного населения, а также формированию его культа и житийной традиции, но оставался единственным агиографическим произведением подобного рода, не иницировав переводов других сочинений или появления оригинальных текстов этого жанра.

Анализ внешней композиции или архитектоники монгольской версии «Гурбума» показал, что, несмотря на то, что монгольский сборник является переводом с тибетского, его архитектоника отличается от оригинала. Как и тибетский текст, монгольский ксилограф «Гурбума» делится на три неравных по объему раздела (монг. *bölög*), объединяющих истории о Миларэпе в зависимости от их второстепенных участников. Однако, поскольку 29-я и 35-я главы тибетского текста в пекинском ксилографическом издании монгольского перевода разделены на несколько самостоятельных глав, то

монгольский сборник состоит из 63 глав, в то время как тибетский – из 58. Также, в отличие от тибетских изданий, главы монголоязычного ксилографа пронумерованы.

Все главы сборника имеют сходное структурное строение и открываются своего рода зачином, состоящим из формул поклонения и стихотворных молитв-панегириков святому. Главы «Гурбума» могут содержать одну или несколько историй о Миларэпе, «анфиладно» соединенных и заключенных в формальные рамки. Завершенные и замкнутые во времени эпизоды в главах, а также отдельные главы могут быть связаны между собой хронологией событий (сюда же относятся и предсказания о событиях, речь о которых пойдет в следующем эпизоде или главе), одними и теми же местом действия и/или персонажами. Названия и нумерация приводятся в конце глав.

Пространственно-временной континуум историй «Гурбума» является ограниченным фоном, на котором Миларэпа демонстрирует свои качества буддийского святого. В «Гурбуме», так же как и в большинстве средневековых произведений, нет авторского времени: время в тексте определяется последовательностью и продолжительностью действий. Несмотря на то, что речь в сборнике идет о жизни Миларэпы с момента окончания его обучения у Марпы лоцзавы (тиб. Mar pa lo tsA ba, 1002/1012-1097/1100) и до ухода в нирвану, т.е. приблизительно с 1085 по 1123 гг., время в «Гурбуме» не воспринимается как историческое и, скорее, носит условный характер. Подчиненное сюжету художественное время «Гурбума» охватывает довольно узкий круг явлений. Рассказ о том или ином событии строится в соответствии с представлениями об определенном литературном этикете и законом целостности изображения. О событии рассказывается от начала и до конца, исключая наличие каких-либо случайных деталей и деталей за пределами изображенного.

В «Гурбуме» основой разворачивания художественного пространства является пространство естественное и географически конкретное – описываемые в тексте события происходят в местности на границе Тибета и Непала. Текст скрупулезно указывает топонимы, отмечающие скитания йогина по этой территории. Центром этого введенного в узкие рамки, замкнутого пространства всегда является местопребывание Миларэпы. Не случайно большинство эпизодов начинается с указания конкретной географической точки, в которой Миларэпа находится, либо движется из нее или к ней. Существенная особенность понимания многослойности пространства в «Гурбуме» заключается в его эмоционально-ценностной насыщенности. Эта категория дана в тексте не в виде нейтральных координат, а как система со священным центром, формирующимся вокруг фигуры центрального персонажа, и мирской периферией. Перемещение Миларэпы в этом пространстве приводит к тому, что оно меняется и приобретает качественно иной статус –

из профанного, не связанного с буддийским миром, становится сакральным, включенным в буддийскую историю и географию.

Пространственно-временная структура «Гурбума» заполнена ограниченным набором персонажей. Центральным персонажем и носителем основного действия является Миларэпа, который выделяется из ряда других персонажей, в первую очередь, своей значимостью для развития сюжета: основные сюжетные события не могут происходить без его участия. Он также противостоит другим персонажам и как субъект высказываний, доминирующих в речевой структуре произведения: ему принадлежит как большинство отдельных реплик, так и 322 из 384 гуров, представленных в сборнике. Остальные изображенные в сочинении персонажи являются второстепенными, и воспринимаются как служебные. Их вспомогательная роль заключается в том, чтобы помочь Миларэпе продемонстрировать способности буддийского святого.

Персонажи, которыми заполнена пространственно-временная структура текста, включены в единую систему связанных событий, вытекающих одно из другого. В «Гурбуме» сюжет смыкается с фабулой, поскольку последовательность событий в произведении совпадает с их совокупностью в их логической причинно-временной связи. В основе большинства сюжетных построений лежит простейшая последовательность сюжетных ходов: пребывание/путешествие, встреча и развязка. Пребывание/путешествие, являющееся сочетанием рудиментарных экспозиции и завязки, вводит читателя в определенную систему пространственных координат, представляет главное действующее лицо и подводит читателя к конфликтной ситуации. Конфликтная ситуация, представленная встречей центрального персонажа с второстепенными, разрешается с помощью демонстрации центральным персонажем сверхъестественных магических способностей или исполнения им проповедей-гуров. Результатом этого является изменение психологического состояния второстепенных персонажей, обращение в буддизм или дальнейший прогресс в буддийских практиках.

Таким образом, базовая структура «Гурбума» передает архетипическую модель поведения буддийского святого, достигшего буддийского идеала, основной функцией которого как культурного героя является расширение сакрального пространства.

Третья глава **«Национально-культурная специфика монгольской версии «Гурбума» Миларэпы»** посвящена анализу национально-культурных особенностей монгольского перевода сборника.

В свете коммуникативных и функциональных теорий перевод является одной из форм взаимодействия двух культур и может рассматриваться как вид деятельности,

который имеет свою функцию (скопос), предполагаемую аудиторию и условия осуществления. Именно они определяют выбор стратегий и методов перевода.

Исходя из круга текстов, с которыми работал Гуши Цорджи, указывающего на мотивацию инициаторов и переводчика в их отношении к литературным, религиозным и политическим задачам своего времени, а также переводческих колофонов агиографических сочинений, содержащих информацию о целях перевода и взаимоотношениях между его инициатором и исполнителем, можно предположить, что целью перевода «Гурбума» на монгольский язык было распространение одного из самых известных агиографических сочинений, а также культа Миларэпы в Монголии. Все это вызывало необходимость в некоей прагматической адаптации текста перевода. Переводческая стратегия Ширегету Гуши Цорджи была направлена на то, чтобы максимально точно передать агиографический архетип, содержащийся в «Гурбуме» Миларэпы (то есть его базовую структуру), но при этом сделать его близким и понятным монгольскому читателю, не только не знакомому с традицией буддийской агиографии, но и обладающему иными фоновыми знаниями, речевым этикетом, морально эстетическими нормами и т.д. Для этого было необходимо адаптировать элементы оригинального тибетского текста, насыщенные национально-культурной информацией, к восприятию монгольского реципиента того времени.

К таким национально-специфическим элементам в тибетском тексте «Гурбума» следует отнести топонимы, имена собственные, буддийскую терминологию, этнографические понятия, образные выражения и гонорифическую лексику, игравшие важную роль в трансляции смысла буддийского произведения. Выбор переводческих трансформаций зависел от нескольких факторов, и, прежде всего, от наличия устоявшейся традиции. К концу XVI в. монгольская переводческая традиция накопила некоторый опыт передачи определенной лексики, встречающейся, в основном, в буддийских канонических сочинениях и переводившейся с помощью уйгурских текстов, однако большого опыта перевода агиографических сочинений с тибетского еще не было. Другими факторами, влиявшими на выбор типа переводческих трансформаций для передачи тех или иных слов и выражений, были уровень знания переводчиком тибетского языка, его осведомленность в буддийских реалиях и деталях тибетского быта, а также, возможно, личные предпочтения.

Для передачи топонимов, имен собственных и буддийской терминологии Ширегету Гуши Цорджи использовались такие переводческие трансформации как «восстановление» санскритского оригинала, транскрипция/транслитерация и их

сочетание, калькирование, сочетание транслитерации/транскрипции и калькирования, лексические добавления, генерализация и конкретизация.

Особую сложность при переводе «Гурбума» представляли тибетские этнографические понятия, которые в силу национально-культурного различия не имели эквивалента в монгольском языке. Для перевода этой группы лексики Ширегету Гуши Цорджи, в основном, использовал приемы генерализации/конкретизации, а также прием целостного преобразования, суть которого заключается во всеобъемлющем преобразовании как отдельных слов, так и словосочетаний, подбирая в качестве эквивалентов тибетским реалиям слова из монгольского быта.

Отсутствие в Монголии устоявшейся системы «литературного этикета» привело к тому, что гонорифики и эпитеты действующих лиц, а также используемая для выражения определенной социальной характеристики гонорифическая лексика, которые в тибетском тексте представляли собой особую, носящую строго нормативный характер систему языковых клише, зачастую передавались на монгольском с потерей части семантического значения.

К национально-специфическим элементам в тибетском тексте «Гурбума» следует также отнести стихотворные фрагменты, которыми изобилует текст. Особенности традиционного монгольского стихосложения, такие как аллитерация, являющаяся традиционным организующим средством версификации монгольских стихов, следование монгольской традиции четырехстрочных строф, соблюдение принципа относительно равного количества слов в стихотворной строке, а также грамматические особенности монгольского языка не позволяли при переводе гуров сохранить их ритмическую организацию, передать так называемые «украшения» (тиб. *gyan*, санскр. *alamkāra*), т.е. стилистические и поэтические фигуры, характерные для тибетского оригинального текста.

В монгольском переводе растворялась близкая тибетскому читателю конкретика имен собственных и топонимов, ассоциировавшихся со знакомыми персонажами и местами поклонения. Перемещение текста в иную культурную среду создавало ложные представления о времени и месте действия оригинала. Исторический пласт информации, содержащейся в жизнеописании, еще более абстрагировался, и на первый план выступали эмоциональная и дидактическая стороны памятника.

В **Заключении** формулируются основные выводы, к которым пришел автор в ходе работы над диссертацией.

Исследуемый литературный памятник принадлежит к обширному пласту тибето-монгольской агиографии, особому направлению средневековой словесности, которое

объединяет жизнеописания святых, достигших буддийского идеала и заслуживших тем самым почитание членом религиозной общины.

Тибетская агиография формировалась под влиянием зонообразующей индийской литературы на базе собственной фольклорной традиции. Роль структурирующего начала в этом процессе принадлежала буддизму. Задачей агиографических сочинений являлось создание информационного кода для трансляции культа буддийских святых, называемого «агиографическим субстратом». Тибетский агиографический субстрат был сформирован такими архетипами как жизнеописания будды Шакьямуни и аналогичные индийские сочинения, с одной стороны, и местными легендами о святых, с другой. Это привело к своеобразному дуализму тибетских жизнеописаний, связанному с необходимостью соблюдения баланса между изображением буддийского морально-этического эталона и живого человека, эмоционально близкого читателю. Таким образом, тибетские агиографические сочинения состояли из базовой структуры, воплощавшей модель буддийского освобождения, и ее наполнения, которое содержало детали жизни конкретного святого. В основе первой лежал буддийский архетип, вторую формировали местная устная и письменная традиция. Соблюдение определенных правил в составлении жизнеописаний привело к формированию агиографического канона.

Одним из выдающихся памятников тибетской агиографии стал «Гурбум» Миларэпы, составленный вместе с двумя другими текстами, посвященными этому святому отшельнику, жизнеописанием-намтаром и кратким хвалебным гимном, учителем традиции Кагью Цаннён Херукой в 1488 г. Созданные им намтар и «Гурбум» Миларэпы явились результатом развития как устной, так и письменной агиографической традиции, прираставшей письменными памятниками более трех с половиной столетий. В эволюции агиографической традиции Миларэпы можно выделить три этапа: появление локальных, не связанных друг с другом повествовательных традиций, в которых фиксировались отрывочные сведения о жизни святого (XI-XIII вв.); слияние этих локальных традиций и совмещение их с буддийским архетипом (XIII-XV вв.); создание «эталонных» сочинений на основе всей предшествующей традиции (к. XV в.). Составленные Цаннён Херукой сочинения окончательно оформили житийную модель и культ Миларэпы и положили конец любым несанкционированным устным и письменным традициям.

Широкое распространение в Монголии буддизма в его тибетской форме во второй половине XVI – первой половине XVII вв. привело к рецепции монголами индо-тибетского агиографического субстрата и формированию на его основе этнической агиографии. Важную роль в этом процессе играли переводные с тибетского сочинения, которые занимали центральное место в монгольской литературе, находившейся в

процессе становления, и служили для образования новых литературных моделей. Это подразумевало отсутствие выраженных границ между переводной и оригинальной агиографией и свободное перемещение текстов из одной части тибето-монгольского культурного ареала в другую.

Исследуемая монгольская версия «Гурбума» Миларэпы была одним из первых текстов, оказавших влияние на формирование житийного канона и культа буддийских святых в Монголии. Перевод тибетского текста на монгольский язык был осуществлен известным переводчиком буддийских текстов Ширегету Гуши Цорджи, по всей вероятности, в 1615 г. по настоянию внука Алтан-хана Омбу Хунтайджи (монг. *Ombo qung tayiji*, XVI-XVII вв.).

Исходя из круга переводов Ширегету Гуши Цорджи и колофонов переведенных им сочинений, можно предположить, что перевод «Гурбума» Миларэпы на монгольский язык преследовал две основные цели. Во-первых, наряду с другими переводами и иными видами покровительства буддизму, он служил интересам потомков Алтан-хана в попытках обосновать свое право на управление улусом. Во-вторых, перевод «Гурбума» был призван принести в монгольскую культуру один из самых популярных текстов, содержащих буддийскую агиографическую модель, а также положить начало почитанию одного из самых популярных тибетских святых в Монголии. Вторая цель предполагала сохранение в переводе функции исходного текста – его свойства вызывать определенный коммуникативный эффект, оказывая прагматическое воздействие на адресата. Для этого переводчику было необходимо соблюсти баланс между архетипическим и индивидуальным в тексте, то есть сохранить базовую структуру, описывающую модель поведения буддийского святого, и при этом сохранить эмоциональное воздействие сочинения, сделать его понятным монгольскому средневековому читателю, что обуславливало определенную стратегию перевода и выбор переводческих трансформаций.

Как показал литературоведческий анализ монгольского текста, за исключением некоторых элементов архитектоники (разное количество глав, их нумерация), не несущих смысловой нагрузки, монгольская версия «Гурбума» полностью сохраняет базовую структуру тибетского оригинала. Она передает парадигму деяний, проповедей в виде спонтанных песнопений и чудес тантрийского святого, обретшего состояние будды в течение одной жизни в результате практики Ваджраяны.

Как и исходный текст, монгольская версия представляет собой цепь «анфиладно» соединенных, завершенных и замкнутых во времени историй, объединенных фигурой центрального персонажа, Миларэпы.

Пространственно-временной континуум историй «Гурбума» является ограниченным фоном, на котором Миларэпа демонстрирует свои качества буддийского святого. Действие происходит в строго ограниченных и идеализированных времени и пространстве с особыми социальными отношениями и психологическими законами и не имеет точек соприкосновения с событиями, совершающимися вне пределов текста. Пространство текста неоднородно – оно представлено мирской периферией и сакральным центром, формирующимся вокруг фигуры главного героя.

Пространственно-временная структура заполнена ограниченным набором персонажей, связанных в иерархическую систему, которая образована двумя основными уровнями. Центральным персонажем и носителем основного действия является Миларэпа; остальные изображенные в сочинении персонажи являются лицами второго плана и воспринимаются как служебные. Их вспомогательная роль заключается в том, чтобы помочь «главному герою» в выполнении его сюжетных функций.

Необходимость сделать текст максимально понятным монгольскому читателю XVII в., не знакомому не только с буддийской агиографической традицией, фигурой самого Миларэпы и его культом, но и, возможно, не придерживавшегося буддийского мировоззрения, вызвала необходимость в прагматической адаптации текста перевода. Ширегету Гуши Цорджи придерживался стратегии смыслового перевода, которая сочетала смысловый эквивалентный перевод, стремящийся к сохранению специфики оригинального текста, с элементами лингвоэтнической адаптации, направленной на облегчение восприятия тибетских культурных и языковых реалий, чуждых монгольскому реципиенту. К последней можно отнести упрощение особо сложных фрагментов текста, добавление слов, уточняющих значения тех или иных тибетских реалий и терминов, или использование слов с более общим значением, привлечение для передачи этнографических лакун монгольских «аналогов», приспособление текста к привычной для монголов традиционной поэтической форме и т.д. Подобный подход к переводу позволил сохранить дихотомию агиографического текста, точно воспроизводя его базовую структуру и нивелируя так называемые «лакуны», расхождения между тибетским и монгольским культурным контекстами.

Распространение переводов намтара и «Гурбума» Миларэпы привело к появлению собственно монгольских письменных переложений сюжетов, связанных с Миларэпой, а также комментаторской литературы на тибетском и монгольском языках, что позволяет говорить об оформлении в монгольской среде житийной традиции Миларэпы.

«Гурбум» наряду с другими агиографическими сочинениями принес в монгольскую литературу буддийский агиографический субстрат и канон, в соответствии с

которыми позднее создавались оригинальные монгольские произведения, имеющие те же структурные и типологические особенности, что и тибетские.

Список источников и литературы включает 22 наименования источников на монгольском и тибетском языках, 395 наименований исследовательских работ на русском, монгольском, тибетском и европейских языках.

В **Приложении 1** представлены транскрипция и перевод колофонов пекинского ксилографического издания.

В **Приложении 2** содержится транслитерация части восьмого раздела намтара Миларэпы и названий глав тибетского и монгольского текстов «Гурбумов», показывающая соотношение между этими текстами.

В **Приложении 3** представлены перечень глав рукописи избранных песнопений Миларэпы из дома-музея Ц. Дамдинсурэна, транслитерация фрагмента текста, демонстрирующего разночтения в главах рукописи и соответствующих главах пекинского ксилографического издания «Гурбума», примеры разночтений в написании имен собственных и топонимов, вписанных на тибетском между строк монгольского текста в рукописи и ксилографе.

III. СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В журналах, рекомендованных ВАК РФ:

- 1) Туранская А.А. Некоторые особенности монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы. Вестник СПбГУ. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, Вып. 1 (2016). Санкт-Петербург, 2016. – С. 59-70.
- 2) Туранская А.А. «Гурбум» Миларэпы в контексте тибето-монгольской агиографии // Страны и народы Востока, Вып. XXXVI, Москва, 2015. – С. 378-403.
- 3) Туранская А.А. Монгольская рукопись избранных песнопений Миларэпы из дома-музея Ц. Дамдинсурэна // Страны и народы Востока. Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии», Москва, 2014. – С. 347-358.
- 4) Туранская А.А. Бурятское издание избранных песнопений Миларэпы (1040-1123) // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, Вып. 1 (2013). Санкт-Петербург, 2013. – С. 88-90.
- 5) Туранская А.А. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений Миларэпы» // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, Вып. 2 (2013). Санкт-Петербург, 2013. – С. 82-88.

Другие издания:

- 6) Туранская А.А. Национально-культурные особенности монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы // Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века: сборник статей. Материалы российско-монгольской научной конференции 6-8 октября 2014 г. Санкт-Петербург. СПб, Улан-Батор, 2015. – С. 179-185.
- 7) Туранская А.А. Монгольская рукопись избранных песнопений Миларэпы из дома-музея академика Ц. Дамдинсурэна // Локальное наследие и глобальная перспектива: «Традиционализм» и «Революционизм» на Востоке. XXVII Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки. 24-26 апреля 2013 г. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2013. – С. 206.
- 8) Туранская А.А. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы // Модернизация и традиции: XXVI Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки. 20-22 апреля 2011 г. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2011. – С. 482.
- 9) Алексеев К. В., Гроховский П. Л., Сизова А. А., Смирнова М. О., Туранская А. А., Ямпольская Н. В., Яхонтова Н. С. Типология и способы перевода буддийской терминологии (на материале интерактивной базы данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений») // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, Вып. 2 (2012). Санкт-Петербург, 2012. – С. 46-58.